

А.А.Галкин

НЕВОСПОЛНИМАЯ ПОТЕРЯ

шолта

Как трудно привыкнуть к мысли, что Алеши Салмина нет больше в живых. Это был один из самых лучших, самых талантливых моих учеников.

В теперь уже давние времена, когда он только начинал свою научную карьеру, один из институтских докторов, известный своим ехидным нравом, мимоходом спросил меня: «Что это за молодой человек, который часами не покидает твоего кабинета». На это я ответил примерно в его же стиле. «Если у тебя есть фотоаппарат, срочно сфотографируйся с ним. Лет через двадцать будешь показывать фотокарточки своим внукам, приговаривая: вот видите – это я вместе с самым знаменитым Салминым». Эта шутливая реплика содержала в себе весомую долю правды.

Моя первая встреча с Алешей была нестандартной. В комнату, где я работал, зашел парень, которого я несколько раз мельком видел в коридорах Института. Угрюмо, опустив голову, он произнес: «Я аспирант второго года обучения – специалист по Востоку. У меня уже практически готова кандидатская диссертация. Но то, что я сделал, меня не удовлетворяет. Я хочу сменить научную ориентацию и, соответственно, тему. Меня интересует политический процесс в развитых странах Западной Европы, первую очередь во Франции. Прошу Вас взять на себя научное руководство».

Первую мою реакцию нельзя было назвать позитивной. Мне не раз приходилось сталкиваться с людьми, пришедшими в науку, следуя моде, и, не будучи в состоянии пустить в ней корни, дрейфовали от берега к берегу, меняя приоритеты, позиции и темы. Но уже через полчаса, в ходе содержательной беседы мое мнение о собеседнике принципиально изменилось. Передо мною сидел не человек, не нашедший себе места в науке, но вполне сформировавшийся ученый, прекрасно разбиравшийся в проблематике, которой был намерен заниматься, полиглот и эрудит, обладавший энциклопедическими знаниями в философской и политологической сферах.

Особо не колеблясь, я взял его себе в сектор. В течение двух месяцев он написал новую диссертацию, с успехом защитил ее и вскоре стал бесспорной ведущей интеллектуальной силой в нашем небольшом научном коллективе.

Во второй половине 70-х и в первой половине 80-х годов этот коллектив опубликовал серию совместных работ. В них, используя зарубежный материал, мы пытались освоить методологию политологического анализа, которую можно было бы впоследствии применить к ис-

следованию нашей действительности. А.Салмин не просто принял участие в их подготовке. На общем, вполне приличном для того времени фоне, написанные им главы резко выделялись глубиной, особой содержательностью, и новизной подхода.

Перечитывая недавно его работы этого времени, я вновь, с особой остротой ощутил, до каких высот он поднялся в своей сфере знания, как опередил свое время. Фактически он был одним из тех, кто еще в советское время закладывал основы возрождающейся российской политологии. Во всяком случае, это относится к таким ее разделам как политическое, в том числе электоральное поведение больших социальных групп. А ведь тогда, когда он делал это, ему еще не исполнилось и 30 лет.

Естественно, что когда я уходил из Института на другую работу, у меня не было никаких сомнений относительно возможного преемника в деле руководства созданным мною научным коллективом. Им мог быть только Алексей Салмин с его мощным научным потенциалом. И в этом я не ошибся.

С конца 70-х, а особенно в ходе 80-х годов он увлекся не только политологическими изысканиями, но и проблемами практической политики. Я не очень разделял этой стороны его увлечений. Не из содержательных соображений, но, прежде всего, потому, что мне казалось бесхозяйственным распылать столь мощный интеллектуальный потенциал, способный дать новые, неординарные импульсы сфере знаний, в которой он столь прочно утвердился. Сегодня я не убежден в том, что был прав в то время. Салмин сумел – в наше совсем не простое время – внести достойный вклад и в науку о политике, и в политику как сферу деятельности. Он стал одним из лидеров современной российской политологии, и, одновременно, заметной фигурой на российском политическом небосклоне.

Казалось, именно сейчас, опираясь на достигнутые позиции, ему предстоит сделать то, к чему его готовила вся предшествующая жизнь и призывал нерастроченный природный талант. Это была своего рода миссия. И он был намерен реализовать ее до конца. Судьба прервала его на взлете. Ему было всего пятьдесят четыре года.

Это трагическая несправедливость, когда ученики умирают раньше своих учителей.